

**РАЗДЕЛ II. Филологический анализ текста:
традиции, типы, конкретные разборы**

ББК 83.3(2):60.55.57

УДК 82-563:82-92

Т. Е. Абрамзон,
*доктор филологических наук, профессор,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
ate71@mail.ru*

А. В. Петров,
*доктор филологических наук, профессор,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
alexpetrov72@mail.ru*

**«О ПРОСВЕЩЕННАЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ!..»:
ЗАГАДКА ПОСВЯЩЕНИЯ ЖУРНАЛА
«ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА» А. П. СУМАРОКОВА
(К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)**

Стихотворное посвящение великой княгине Екатерине Алексеевне журнала «Трудолюбивая Пчела» рассматривается в двух контекстах. Первый – социологический научный миф о том, что А. П. Сумароков был оппозиционно настроен по отношению к придворной «партии» императрицы Елизаветы Петровны и участвовал в дворцовых интригах в пользу великой княгини. Второй – античная и русская жанровая традиция «дедикаций».

Ключевые слова: А. П. Сумароков, журнал «Трудолюбивая Пчела», жанр дедикации (посвящения), великая княгиня Екатерина Алексеевна; научный миф

«Трудолюбивая Пчела» (1759) (далее – *ТП*) – первый и единственный журнал, издававшийся А. П. Сумароковым, – открывалась посвящением «Ея Императорскому Высочеству Государыне Великой Княгине, Екатерине Алексеевне»:

Умом, и красотой, и милостью богиня,
О просвещенная великая княгиня!
Великий Петр отверз к наукам россам дверь,
И вводит в ону нас его премудра дочь,

С Екатериною Петру подобясь ныне,
И образец дая с Петром Екатерине.
Возвьсь сей низкий труд примерами ея
И покровительством Минерва будь моя!

[20, 3 нenum.]

По всем признакам это обычный панегирический текст, упрочившийся в русской книгоиздательской практике еще в петровскую эпоху (в прозаической форме). По жанровой классификации, предложенной Н. Д. Кочетковой, перед нами так называемое «посвящение государю и члену царской фамилии», наиболее устойчивое и традиционное в русской литературе вплоть до начала XIX в. [см.: 8; 9]. Сумароков, по его позднему выражению, «препоручает» себя покровительству великой княгини, сохраняя при этом главный топос этого рода посвящений – прославление Петра I [8, 25–26].

Сумароков первым из издателей русских периодических сочинений посвящает журнал конкретному лицу. До этого январские номера газет и журналов в Российской империи могли начинаться с «предупреждений», обращений к читателю, эпитафий, «поздравлений» с Новым годом и новогодних од, адресованных монарху [об одах см.: 12].

Можно было бы просто констатировать первенство Сумарокова и закрыть тему, если бы несколько поколений исследователей не выстроили на этих восьми вторичных по отношению к ломоносовским одам и надписям строчках целую концепцию о Сумарокове... оппозиционере, а другие поколения этой концепции слепо доверились. В целом этот тезис, во-первых, обязывает, поскольку ставит бригадира, директора театра, поэта в один ряд с государственными преступниками Н. И. Новиковым и А. Н. Радищевым; во-вторых, с ним напрямую связано объяснение причин закрытия *ТТТ*. Ведь не может же «первый русский частный журнал» закрыться по каким-то банальным причинам – нужно что-то серьезное, а в России это всегда – политическая составляющая.

Первым данную идею высказал, по-видимому, П. Н. Полевой в 1870-е гг. Разделив читателей конца 1750-х – начала 1760-х гг. на поклонников «лиры Ломоносова» и «лиры Сумарокова», он отождествил их с придворными «партиями», во главе первой, соответственно, «являлись Шуваловы, Воронцовы и сама Императрица Елисавета», во главе второй – Екатерина и «ея приверженцы». В рассказываемой учёным «истории» Сумароков оказывается «горячо предан» великой княгине, «замешан в опасном деле канцлера

Бестужева», а посвящение *ТТТ* Екатерине расценивается как «доказательство уважения и преданности», грозившее «нерасположением Елисаветы» [15, 330]. Через четверть века исследователь дополнит свой миф, усилив социологическую и политическую риторику. Теперь уже литераторы тех лет «обязательно» должны были «принадлежать к какой-нибудь придворной партии», Сумароков становится «одним из самых горячих приверженцев молодой и обаятельной великой княгини», по делу канцлера Бестужева он «едва ускользает от тяжелой опалы», а *ТТТ* посвящает Екатерине Алексеевне, когда она была «в подозрении у императрицы Елисаветы» [16, 579]. Здесь уже чувствуется опыт писания П. Н. Полевым исторических романов: накал страстей, увлекательные и опасные интриги и т. п. Да, и разумеется, никаких ссылок на источники учёный-романист не делает. Ведь этих источников, как мы попытаемся показать, просто не существует.

Параллельно этот же миф разрабатывается историком русской цензуры А. М. Скабичевским. Разрешение графа А. Г. Разумовского на печатание *ТТТ* в обход отказа Академической канцелярии он объяснил принадлежностью Сумарокова «к партии графов Разумовских, сторонников великой княгини Екатерины и противников елизаветинского фаворита гр. Шувалова». По его мнению, посвящение журнала Екатерине Алексеевне, находившейся в то время в «немилости императрицы Елизаветы и почти в открытом разладе с великим князем», «было своего рода мужеством со стороны Сумарокова. Это одно придавало журналу «Трудолюбивой Пчеле» оппозиционный характер и помимо всяких личных счетов делало его ненавистным в глазах всех приверженцев графов Шуваловых, в том числе и Ломоносова» [19, 27–28]. Как видим, в «историю» вводится слово «оппозиция», а ничего не подозревавший писатель становится единственным в 1758 г. российским дворянином, мужественно борющимся с фаворитизмом.

И наконец советские исследователи Г. А. Гуковский и П. Н. Берков увидели в восьми сумароковских строчках уже не личное «мужество» издателя, а большую политику – некую совершенно фантастическую «борьбу против придворной знати и за «исконное», старинное, родовитое дворянство» [1, 117; 5, 380–381].

Итак, за 60 приблизительно лет научный миф оказывается сотворен, зафиксирован в многотиражных государственных изданиях и... благополучно продолжает существовать в современном информационном пространстве.

Но насколько обоснована эта точка зрения? Что, помимо эстетической привлекательности, делает её достоверной?

Полагаем, что для решения данной задачи необходимо отделить друг от друга два блока вопросов:

1) Что можно считать политической оппозицией в XVIII веке? Находилась ли великая княгиня Екатерина Алексеевна в это время «на подозрении» у императрицы Елизаветы Петровны и каковы были их взаимоотношения в 1758 году?

2) Насколько Сумароков был вовлечён в придворные интриги? Как отнеслись к крамольному посвящению его современники? Существовали ли аналоги сумароковскому посвящению в русской литературе?

Начнём с последнего вопроса. Судя по всему, посвящение периодического и любого другого издания *жене наследника престола* действительно является уникальным для елизаветинского времени. Во всяком случае, Н. Д. Кочеткова, детально рассмотревшая жанр «дедикации», таких изданий не называет. Впрочем, литературные дедикации *великим князьям* тоже были единичными: Ломоносов посвятил Петру Феодоровичу «Краткое руководство к риторике» (1744), а годовалому Павлу Петровичу – «Российскую грамматику» (1755) [8, 28–29]. Условная, но традиция все-таки имелась. Тем более, что был и другой прецедент: тот же Ломоносов в эпиталамической оде 1745 г. сделал комплимент Екатерине Алексеевне, написав, что в ней «натура истощила / Богатство всех красот своих» и что ее «щедрота» удивит целый свет [см.: 13, 84–100]. Если следовать логике П. Н. Беркова, посчитавшего сумароковское посвящение 1759 г. «личным вызовом Елизавете, не терпевшей похвал красоте какой-либо женщины, кроме нее самой» [1, 117], то Ломоносова едва ли не должны были заключить в тюрьму, но в итоге назначили профессором химии. Что касается Сумарокова, то по его прошению «оскорбленная» императрица решает спорные вопросы с цензорами *ТП* в его пользу [21, 403].

Более показательные аналоги можно найти уже в царствование самой Екатерины II. Так, немало российских авторов посвятили свои труды княгине Екатерине Романовне Дашковой, а не императрице, причём в те годы, когда Екатерина «малая» находилась вдали от трона. Но нигде в научной литературе это не считается «личным вызовом» монархине. Мало того, два автора, М. В. Цветихин и П. А. Плавильщиков, в своих посвящениях 1783 г. уподобили Дашкову богине Минерве, «в то время как этот образ обычно возникал в панегириках, обращенных к Екатерине II». Н. Д. Кочеткова называет

это «смелым приёмом» [10, 132]. Почему же у Сумарокова точно такое же наименование – не «приём», а «вызов»?

Итак, с точки зрения литературной традиции перед нами обычное, типичное для русской книжной культуры XVIII в., т. е. комплиментарное и «сервильное», посвящение возможной покровительнице. Причём в нём есть и Петр I, и Екатерина I, и их «премудра дочь». К ним Сумароков будет неоднократно апеллировать во многих статьях *ТП*, ни разу больше не упомянув великую княгиню Екатерину Алексеевну.

Памятуя о многочисленных денежных просьбах Сумарокова к Елизавете Петровне, а затем и к Екатерине II, зная о его долгах перед типографией Академии Наук и перед займодавцами, почему бы не увидеть и здесь «ласкательство»? В. К. Третьяковский, к слову, совершенно не стеснялся в своих похвалах и благодарности за щедрость князю А. Б. Куракину в «приписанной» тому «Езде в остров Любви» (1730). Г. Р. Державин также обращался к помощи своего таланта, преследуя личные цели, в одах Екатерине II («Изображение Фелицы») и Павлу I («На новый 1797 год»). Подобная практика была самой обыкновенной в XVIII в., и Сумароков, быть может, проявил здесь политическое чутье. С 1755 г., т. е. после рождения нового возможного наследника престола – Павла Петровича и в связи с участвовавшими у Елизаветы Петровны разрушительными для её здоровья припадками, многие придворные стали смотреть в сторону «малого двора».

Наше предположение отчасти подтверждается тем, что в царствование Екатерины II Сумароков не единожды сумеет извлечь дивиденды из давнего своего издания. В письмах к императрице с просьбами о всепоможении он несколько раз напомнит о «приписании» ей *ТП*:

1. «<...> А вы меня еще и до царствования своего жаловать изволили в рассуждении моих ради отечества небесполезных упражнений. А «Пчела» моя Российской Минерве, еще не бывшей тогда на Российском престоле, приписана.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Марта 12 дня 767» [14, 103].

2. «15 августа 1768

Всемиловитейшая государыня!

До владения в. и. в. многие препятствия остановили журнал мой «Трудолюбивую Пчелу», приписанную к вашей особе <...>» [14, 110].

3. «<...> Но по несчастью канцелярские служители их не забывают, а особливо меня, яко неприятеля подьяческого рода, чем им меня «Трудолюбивая Пчела» рекомендовала, приписанная государыне великой княгине и препорученная ее покровительству. Сия моя покровительница ныне царствует; следовательно, и моя надежда умножается и толико расширяется, колико мое стремление описывать расширяющиеся великия монархини моими описаниями преславные дела, наполняющие вселенную.

В. и. в. всенижайший и всепреданнейший раб

Александр Сумароков.

23 сентября 1770 г., Москва» [14, 144].

Всё это совершенно не помешает Сумарокову в 1773 г. написать оды наследнику престола Павлу Петровичу и его первой жене, Наталии Алексеевне [см.: 12, 125–129], и безо всяких преследований со стороны Екатерины II. Опыт «оппозиции» у обоих уже имелся. Неужели 50-летняя Елизавета была более ревнива и мстительна, чем 44-летняя Екатерина?

Далее. При негативном отношении к Сумарокову Академической канцелярии и типографии следовало бы ожидать особого их внимания к «крамольному» посвящению. Так, в 1751 г. Ломоносов и другие академики не пропустили в печать «дедикацию» Елизавете Петровне, сочиненную В. К. Третьяковским для его перевода «Аргениды», найдя в ней «ложные мысли» и «излишнее ласкательство» [8, 27]. В октябре 1759 г. цензор III С. К. Котельников не рискнет одобрить к печати даже похвальное слово Петру II! Однако известий о какой-либо реакции цензоров, Елизаветы Петровны, самой Екатерины Алексеевны и др. на интересующую нас титульную «дедикацию» нет никаких.

Почти так же обстоит дело и с информацией о возможной близости Сумарокова к «малому двору» и о его причастности к известному процессу канцлера А. П. Бестужева в 1758–1759 гг.

О первой мы знаем только, что жена Сумарокова была фрейлиной (камер-юнгферой) великой княгини и что Екатерина поэта «жаловать изволила» (см. выше письмо от 12 марта 1767 г.). Предположительно, это великокняжеское расположение могло быть связано с театральной деятельностью Сумарокова: для постановки трагедий требовалось «римское платье», «особливо женское», которое и было «пожаловано» Екатериной Алексеевной (письмо И. И. Шувалову от 9 января 1758 г.).

О второй ничего не узнали даже императрица Елизавета Петровна и глава Тайной канцелярии А. И. Шувалов. Существует

расплывчатое свидетельство самого Сумарокова о том, что Шуваловы пытались склонить его на какие-то действия против его бывшего начальника А. Г. Разумовского (см. письмо Екатерине II от 25 февраля 1770 г.: «<...> они хотели меня сделать себе противу графа Разумовского злодеем и не сделали <...>»), и мнение, что Сумарокова допрашивали в этой связи. Исследователи предполагают, что проявленная им преданность графу Разумовскому, а значит, и Екатерине Алексеевне и была причиной последующего её покровительства поэту [3, 549].

Это одно из самых темных мест в биографии Сумарокова. Его имя не упоминается ни в одном из главных источников сведений о «партии» Бестужева и Екатерины в 1755–1758 гг.: «Записках Екатерины II» [6], переписке великой княгини с английским посланником сэром Чарльзом Хэнбери Уильямсом [см.: 18] и мемуарах польского посланника и любовника Екатерины Станислава Понятовского [17]. Имена самых близких и верных великой княгине людей известны: это И. П. Елагин, В. Е. Адодуров, Бернарди, Владиславова; все они были в 1758–1759 гг. арестованы и сосланы. Сумароков же благополучно продолжал заниматься театром, издавать журнал и испрашивать на эту деятельность немалые суммы у казны. Таким образом, нет никаких оснований говорить об участии писателя в дворцовых интригах тех лет.

У самой великой княгини Екатерины Алексеевны действительно сложилась непростая жизненная ситуация в связи с арестом графа Бестужева 14 февраля 1758 г., и свобода её висела на волоске [6, 435–461]. Но самые разные историки – дореволюционные, советские, российские, западные – все пишут о том, что ни о каком перевороте Екатерина при жизни Елизаветы Петровны не помышляла и что после разговора с императрицей 23 мая 1758 г. великая княгиня вернула себе её расположение [2, 387–389; 7, 355; 11, 30; 18, 176; 22]. (Нужно учитывать, конечно, что все компрометирующие великую княгиню сведения были ею же и её сторонниками уничтожены, так что утверждения о полной её «невинности» и «невиновности» мы не можем проверить и должны принимать на веру.) С мужем, Петром Феодоровичем, отношения также на время были улажены. Последующие несколько лет Екатерина Алексеевна живёт уединённо, и информация о её жизни в 1759–1761 гг. очень отрывочная.

Завершая разговор о Сумарокове-«оппозиционере», сошлёмся на известного американского исследователя политической жизни России XVIII века Дэвида М. Гриффитса и его статью «Екатерина II

и меланхолия, или Анатомия политической оппозиции». Скептически относясь к самой историографической аксиоме о том, что последний период царствования императрицы Екатерины II стал «временем возникновения политической оппозиции в ее современном смысле», он определяет «традиционные формы протеста», предшествовавшие публикации «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Таковы: «религиозное инакомыслие, попытки дворцовых переворотов и казацкие/крестьянские восстания» [4, 102–104]. Кажется, рассуждать дальше об оппозиционности Сумарокова нет смысла.

Резюмируем. С одной стороны, мы имеем многовековую литературную традицию «дедикаций», восходящую к античности, и немалый опыт самих российских литераторов в оказании почтения к покровителям и «ласкательстве». С другой – очень невятные свидетельства об участии Сумарокова в дворцовых интригах, вовлечённости его в придворные «партии» и т. п. Следуя описанному выше научному *мифу*, мы можем только предположить, что Сумароков знал нечто такое, о чем не осталось никаких свидетельств. Собирая же воедино описанные выше *контексты* и *факты*, мы также можем предположить, что посвящение журнала великой княгине, фактически находившейся в изоляции, могло быть моральной её поддержкой и... новаторским пиар-ходом, рассчитанным на привлечение внимания публики к *ТП*, о чём на материале других «дедикаций» пишет Н. Д. Кочеткова [10, 160].

Литература

1. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века / П. Н. Берков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 572 с.
2. Бильбасов, В. А. История Екатерины Второй. Т. 1 / В. А. Бильбасов. – Берлин: Изд-е Фридриха Готтгейнера, 1900. – 670 с.
3. Васильчиков, А. А. Семейство Разумовских. Графы Алексей и Кирила Григорьевичи / А. А. Васильчиков // Оснадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. – М.: Тип. Т. Рис, 1869. – Кн. 2. – С. 377–630.
4. Гриффитс, Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет / Д. Гриффитс; пер. с англ. Е. Леменовой и А. Митрофанова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 536 с.
5. Гуковский, Г. А. Сумароков и его литературно-общественное окружение / Г. А. Гуковский // История русской литературы: В 10 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. – 1941. – С. 349–420.

6. Екатерина, П. Сочинения / Екатерина П; сост., вступ. ст. и примеч. В. К. Былинкина и М. П. Одесского. – М.: Современник, 1990. – 557 с.
7. Елисеева, О. И. Молодая Екатерина / О. И. Елисеева. – М.: Вече, 2010. – 384 с.
8. Кочеткова, Н. Д. Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая. Посвящения государю / Н. Д. Кочеткова // XVIII век. – СПб.: Наука, 2004. – Сб. 23. – С. 20–46.
9. Кочеткова, Н. Д. Литературные посвящения в русских изданиях XVIII – начала XIX века. Статья 1. Особенности жанра / Н. Д. Кочеткова // XVIII век. – СПб.: Наука, 2002. – Сб. 22. – С. 66–84.
10. Кочеткова, Н. Д. Посвящения в русских изданиях XVIII века, адресованные женщинам / Н. Д. Кочеткова // XVIII век. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. – Сб. 28. – С. 126–160.
11. Павленко, Н. И. Екатерина Великая / Н. И. Павленко. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 495 с.
12. Петров, А. В. Новогодняя поэзия в России: от Тредиаковского до Бенедиктова: монография / А. В. Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2009. – 267 с.
13. Петров, А. В. Эпиталама в русской литературе XVIII века: Очерки по исторической поэтике жанра: монография / А. В. Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2012. – 218 с.
14. Письма русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – 471 с.
15. [Полевой, П. Н.] История русской литературы в очерках и биографиях. Сочинение П. Полевого / П. Н. Полевой. – СПб.: Тип. (б.) А. М. Котомина, 1878. – 632 с.
16. Полевой, П. Н. История русской словесности с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т. 1 / П. Н. Полевой. – СПб.: Изд-е А. Ф. Маркса, 1903. – 652 с.
17. Понятовский, С. Мемуары / С. Понятовский; пер. с фр. В. Савицкого. – М.: ТЕРРА, 1995. – 367 с.
18. Роундинг, В. Екатерина Великая / В. Роундинг; пер. с англ. Н. Тартаковской. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 730 с.
19. Скабичевский, А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863 г.) / А. М. Скабичевский. – СПб.: Тип. Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», 1892. – 496 с.
20. Трудлюбивая пчела. – СПб.: При Императорской Академии Наук, 1780. – 768 с.
21. Шамрай, Д. Д., Берков, П. Н. К цензурной истории «Трудлюбивой пчелы» А. П. Сумарокова / Д. Д. Шамрай,

П. Н. Берков // XVIII век. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Сб. 5. – С. 399–406.

22. Abramzon, T. E., Zaitseva, T. B., Kozko, N. A., Rudakova, S. V. Cultural Mythology in the 18th Century Russia: Definition, Typology, Ways of Functioning / T. E. Abramzon, T. B. Zaitseva, N. A. Kozko, S. V. Rudakova // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2016 Conference Proceedings. – 2016. – С. 651–658.

**«OH, THE ENLIGHTENED GRAND DUCHESS!..»:
A MISTERY OF DEDICATION OF THE MAGAZINE
«THE INDUSTRIOUS BEE» OF A. P. SUMAROKOV
(TO THE 300-TH ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF THE WRITER)**

T. Ye. Abramzon, A. V. Petrov

Abstract

Poetic dedication to the Grand Duchess Ekaterina Alekseevna of the «The Industrious Bee» magazine is considered in two contexts. The first is the sociological scientific myth that A. P. Sumarokov was oppositional in relation to court «party» of the Empress Elizaveta Petrovna and participated in palace intrigues in favour of the Grand Duchess. The second is antique and Russian tradition of a genre of dedication.

Key words: A. P. Sumarokov, «The Industrious Bee» magazine, a genre of dedication, Grand Duchess Ekaterina Alekseevna; scientific myth